

эта жертва, тяжкая для нас, была данью исполнения долга, направленного к благу Отечества!» (34), – написал в своей книге Геннадий Иванович.

Екатерина Ивановна была преданной помощницей своего мужа. Вместе с ним она пережила все события, происходившие на Амуре: начало освоения Приамурья, высадку десанта под руководством Г. И. Невельского в 1853 г. на Сахалине и основание там Муравьевского поста; начало военных действий на Дальнем Востоке и перебазирование Камчатской флотилии на Амур после нападения англо-французской эскадры на Петропавловск в 1854 г., уход её по настоянию Невельского в Амурский лиман, благодаря чему флот был спасён; первые сплавы войск и грузов по Амуру; приход на Амур дипломатической миссии вице-адмирала Е. В. Путятин; потопление в 1856 г. фрегата «Паллада» несмотря на резкие возражения Геннадия Ивановича и многое другое.

После окончания войны на Дальнем Востоке 27 мая 1855 г. Г. И. Невельской был назначен начальником штаба при Муравьеве, а все морские силы подчинены военному губернатору Камчатской области контр-адмиралу В. С. Завойко. Автоматически прекращалась и деятельность экспедиции Невельского. Семья Невельских переехала в Мариинский пост, где была штаб-квартира Муравьева. Здесь 8 августа 1855 г. у них родилась ещё одна дочь – Мария. Только в июле 1856 г. они смогли уехать домой, в Костромскую губернию.

Екатерина Ивановна Невельская оставила глубокий и благодарный след в сердцах всех, с кем ей привелось провести 5 лет на Амуре.

Вот как писал о ней Н. К. Бошняк в 1859 г.: «После роскошных зал и гостиных недавней воспитаннице Смольного монастыря со средстами и возможностями жить иначе, пришлось приютиться в трёхкомнатном флигеле, разделивши его с семейством Орлова. Толпы грязных гиляков, тунгусов и ряд встреченных неприятностей не утратили ее. Мы откровенно сознаемся, что многим обязаны ее внимательной любезности ко всем, и, прямо скажем, что ее пример благотельно действовал на тех, можно сказать, несчастливцев из жен нижних чинов, которых судьба забросила вместе с своими мужьями на горькую долю. Часто находясь в обществе Е. И. Невельской, мы никогда не слышали от нее ни одной жалобы или упрёка, напротив, мы всегда замечали в ней спокойствие и гордое сознание того горького, но высокого положения, которое предназначило ей Провидение. Занятия по устройству нового хозяйства и книги прогоняли от нее скуку. Во всем обнаруживалась твердость ее характера, привычка к занятиям и способность обходиться без балов и вечеров – способность столь редко встречаемая в наше время... Спросим теперь после этого очерка, многие ли мужчины согласились бы на подобную жизнь? Конечно, немногие. А ведь этой женщине было 19 лет... Из всех этих обстоятельств Е. И. Невельская вышла победительницей...» (35).

Возвратившись с Амура, Невельские некоторое время провели в Москве, затем жили в одном из своих имений под Кинешмой или у родственников. К осени они переехали в Петербург, где Геннадий Иванович купил квартиру на Сергиевской улице в доме № 46. 8 апреля 1858 г. у них родилась дочь Александра, а 14 сентября 1861 г. появился на свет долгожданный сын Николай. После тяжёлых родов Екатерина Ивановна часто болела, в октябре 1861 г. она уехала лечиться в Карлсбад, где пробыла пять месяцев.

Геннадий Иванович 19 сентября 1857 г. был назначен членом Морского учёного комитета, преобразованного потом в Учёное отделение Морского технического комитета. Все последующие годы он работал над Записками о действиях русских морских офицеров на крайнем Востоке России в 1849–1855. Так он называл свой труд. Пройдя всю амурскую эпопею, Екатерина Ивановна была его незаменимой помощницей. В 1875 г. Невельской обратился в Учёное отделение МТК с просьбой об издании его Записок и получил разрешение и деньги на издание, но увидеть свой труд не успел. Он скончался 17 апреля 1876 г. Его многолетняя работа была издана в 1878 г. под названием «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849–55 г. При-Амурский и При-Уссурийский край. Посмертные записки Адмирала Невельского. Изданы супругою покойного Екатериною Ивановною Невельскою. Под редакцией В. Вахтина».

8 марта 1879 г. её не стало. Екатерине Ивановне было всего 48 лет.

1. Буссе Н. В. Остров Сахалин. Экспедиция 1853–54 гг. Дневник Н. В. Буссе 25 августа 1853 г. – 19 мая 1854 г. С ответом г-дам Невельскому и Рудановскому. СПб., 1872. С. 5.

2. Федорова Т. С. Г. И. Невельской и Амурская экспедиция // На перекрёстке континентов : мат. XXXI Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2014. С. 352-358.

3. РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 16. Л. 12об.

4. Буссе Н. В. Остров Сахалин... С. 5.

5. РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 376. Л. 5.

6. Там же. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.

7. Там же. Л. 10.

8. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849–1855. Изд. 2-е. СПб., 1897. С. 421.

9. Там же.

10. Там же. С. 423–425.

11. Там же. С. 424.

12. Там же. С. 426.

13. Там же. С. 429.

14. Там же. Изд. 3-е. М., 1947. С. 126.

15. Там же. Изд. 2-е. С. 431.

16. Там же. С. 433–434.

17. Там же. С. 435.

18. Там же. С. 436.

19. РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 2. Д. 157. Л. 38об.

20. Там же. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 27. Л. 30.

21. Бошняк Н. К. Экспедиция в Приамурском крае // Морской сборник. СПб., 1859. № 2. С. 332.

22. Невельской Г. И. Подвиги... Изд. 3-е. С. 130.

23. Сиденер А. К. Адмирал Геннадий Иванович Невельской. СПб., 1914. С. 11.

24. РГА ВМФ. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 22. Л. 27–27об.

25. Там же. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 27. Л. 22, 24.

26. Невельской Г. И. Подвиги... Изд. 3-е. С. 131–132.

27. Там же. С. 162.

28. РГА ВМФ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 27. Л. 46об.

29. Там же. Л. 142.

30. Там же. Д. 21. Л. 43об.

31. Там же. Д. 27. Л. 60.

32. Там же. Л. 34об.

33. Там же. Л. 226–227об.

34. Невельской Г. И. Подвиги... Изд. 3-е. С. 299.

35. Бошняк Н. К. Экспедиция в Приамурском крае... С. 333.

36. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Путеводитель в 2-х т. Т. 2. СПб., 2009. С. 148–149.

Т. Ю. Феклова

«ОТКРЫТЫЙ ЛИСТ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЭКСПЕДИЦИИ И. И. РЕДОВСКОГО НА СЕВЕРО-ВОСТОК СИБИРИ В 1805–1807 гг.

Успешная работа Академии наук была тесно связана с осуществлением ею экспедиционной деятельности. Экспедиции позволяли получать новые факты, способствовали накоплению описательного материала и сбору музейных коллекций (1, с. 1). В то же время экспедиции являлись сложным научно-организационным процессом, сопровождавшимся определенным документооборотом. Изучение данного процесса способствует лучшему пониманию сложностей взаимоотношения науки и власти в Российской империи в XIX в. Существование проработанного корпуса экспедиционных сопроводительных документов способствовало лучшему выполнению учеными стоящих перед ними научных задач. В состав такого корпуса сопроводительных документов входили: «открытый лист», шнуровая книга, подорожные.

Эти документы удостоверяли состав и маршрут экспедиции, помогали выполнять поставленные задачи. Наиболее значимым документом для экспедиции был «открытый лист». В нем указывалось, что ученые отправляются в путешествие по высочайшей воле императора и им следует оказывать всевозможное вспомоществование (2, л. 152). Помимо необходимости оказания помощи, в «открытых листах» прописывался состав участников, цели и маршрут экспедиции. «Открытые листы» могли выдаваться Министерством народного просвещения, Министерством внутренних дел, Министерством финансов, Святейшим Синодом, Российско-Американской компанией и т. д.

В «открытом листе» могла прописываться возможность получения товаров и продовольствия из казенных магазинов Российской империи, обеспечение отрядов ученых конвоем и транспортом, отправление посылок в Императорскую Академию наук без досмотра на таможне и уплаты необходимой пошлины.

«Открытые листы», как и современные командировочные удостоверения, имели чисто утилитарный характер и часто не сохранялись в архивах. Одним из сохранившихся «открытых листов» стал документ, выданный И. И. Редовскому для его экспедиции по северо-востоку Сибири в 1805–1807 гг.

В 1805 г. императором Александром I было отправлено в Китай посольство для извещения китайского императора о своем восшествии на престол. Однако главной задачей посольства было выяснить возможность установления дипломатических и постоянных торговых отношений между Россией и Китаем (3, с. 197). Стремление России к развитию экономических и политических сношений с империей было связано с ростом хозяйственного освоения Сибири, расширением международной торговли. Российское правительство пыталось дипломатическим путем решить ряд вопросов русско-китайских отношений, и, прежде всего, вопросов о торговле. 20 марта 1805 г. президент Академии наук С. С. Уваров прочитал в собрании Академии несколько писем от министра иностранных дел Адама Чарторыйского. Одним из них предписывалось академику Ф. И. Шуберту (астроному) и М. И. Адамсу (адъюнкт по зоологии) отправиться с российским посольством в Китай (4, с. 58). Другим письмом предписывалось снабдить путешественников подробными инструкциями. К концу 1805 г. стало известно, что с этим посольством, вместе с Ф. И. Шубертом и М. И. Адамсом, отправятся И. И. Редовский (адъюнкт по ботанике), Л. Панснер (минералог, доктор философии) и Ю. Клапрот (адъюнкт по восточным языкам и словесности) (5, с. 32). Для И. И. Редовского инструкцию составлял Т. А. Смеловский (ботаник, медик, фармацевт), и в ней особое место уделялось сбору сведений о способах лечения, применяемых в Китае. И. И. Редовский должен был приобрести несколько чайных кустов и узнать все, касающееся этого растения, в том числе, и какой тип почвы пригоден для выращивания чая (6, с. 51).

После прибытия в Ургу (историческое название современного Улан-Батора – столицы Монголии) посольству было отказано в дальнейшем следовании по территории Китая.

Из-за невозможности проезда в Китай совместно с посольством ученые были вынуждены полагаться на собственные силы и заменить путешествие по Китайской империи обследованием юго-восточных регионов России. В 1806 г. И. И. Редовский вернулся в Иркутск, где составил план новой экспедиции для исследования северо-восточных районов Сибири, которые до этого времени оставались вне зоны внимания ученых. 18 апреля 1806 г. И. И. Редовский отправил письмо к непременному секретарю Академии Н. И. Фусу с предложением об изучении Саянских и Абаканских гор, Курильских островов, а также Сахалина (7, с. 181). Данный план получил одобрение и поддержку со стороны Академии. Инструкцию для И. И. Редовского написал А. Ф. Севастьянов (естествоиспытатель) (8, с. 43). В неё вошли перечни рыб и птиц, изучение которых требовалось, описание орудий, необходимых зоологу в работе. Вместе с И. И. Редовским в путешествие отправился землемер, губернский регистратор И. Кожевин. Для И. Кожевина инструкцию составил академик Ф. И. Шуберт (математик, астроном, геодезист). Исследовательская работа планировалась на 3 года. На совершение этого предприятия от Академии наук ему было выдано 2 000 руб. серебром в год, а также сопроводительные документы (9, с. 93). Для облегчения взаимодействия с местными жителями И. И. Редовскому были также выданы грамоты и медали за содействие академику для раздачи их тунгусам и курильцам. В середине мая 1806 г. И. И. Редовский должен был выехать из Иркутска, проехать по р. Лене до Якутска, а оттуда в июле по «новой дороге» до р. Андолы и по побережью Охотского моря в Охотск, из Охотска сухим путем по побережью в Гижигинск и оттуда на Камчатку. Лето 1807 г. планировалось посвятить изучению Камчатки, а 1808 г. – плаванью на Курильские и Шантарские острова (10, с. 158). Император Александр I утвердил предложения действительного тайного советника графа Ю. А. Головкина о проведении данного путешествия и приказал министру народного просвещения Н. Н. Новосильцеву сообщить товарищу министра внутренних дел В. П. Кочубею, от которого зависело снабжение экспедиции, чтобы адъюнкту И. И. Редовскому был выдан «открытый лист» на проведение экспедиции. В этом документе было указано, что он отправлен по распоряжению императора, «чтобы от всех правительственных мест и лиц в нужных случаях ему оказывалась помощь» (11, л. 182). В «открытом листе» были сделаны распоряжения чиновникам, чтобы И. И. Редовскому и И. Кожевину до возвращения их в Иркутск «из казенных магазинов отпускаемы были

на 5 человек провиант натурою, по их требованию». Расписки о получении и количестве выданного проставлялись на оборотной стороне «открытого листа».

Академия наук снабдила И. И. Редовского письмом за подписью В. П. Кочубея, в котором было объявлено, что по высочайшему повелению ученому назначается жалованье «ежегодно в 900 рублей, что составит в 3 года 2 700 рублей, также столовых по 360 рублей на год, и что выдачу этих денег может он требовать себе во всех тамошних казенных местах с тем, чтобы на том же самом письме засвидетельствовано было надлежащим образом где, когда, из какой казны и какая сумма в счет жалованья и столовых денег ему выдана была» (12). Подобное же письмо было составлено на имя И. Кожевина. «Для должного же по сему предмету исполнения» эти распоряжения были отнесены на имя министра финансов графа А. И. Васильева. Таким образом, был решен вопрос о постоянном содержании исполнителя на все время экспедиции без пересылки сумм из Петербурга на Дальний Восток. Управляющему Камчаткой генерал-майору П. И. Кошелеву было предписано, чтобы во время пребывания И. И. Редовского и И. Кожевина на этом полуострове им бы оказывалась вся необходимая помощь и, в особенности, во время их поездок на Курильские острова. Предписывалось также выделить для ученых казенное судно, наилучшим образом оснащенное и вооруженное, которое следовало препоручить в полное подчинение Редовского. По распоряжению В. И. Кочубея И. И. Редовскому был выдан «открытый лист», а бывшему землемеру И. Е. Кожевину письмо на места к начальству с просьбой оказывать содействие в проведении экспедиции. С мая 1806 г. и на протяжении всего путешествия И. И. Редовский составлял «Записки», своеобразные анкеты, которые он отсылал в г. Киренск, Олекма, Якутск, Амга и другие населенные пункты. В них он просил сообщить данные об административном делении, истории города и местном населении. Ученого интересовали сведения о природных богатствах края (минералы, источники, звери, рыбы, птицы), рудных приисках, состоянии хлебопашества (13).

В конце мая И. И. Редовский выехал из Иркутска и направился к Якутску, до которого так и не доехал. Изыскания Редовского закончились в Гижигинске, куда он приехал в январе 1807 г. (14, с. 452). Его здоровье пошатнулось из-за тягот пути, и в том же году он скончался. Все книги и снаряжение И. И. Редовского были проданы, а деньги отправлены в Санкт-Петербург для передачи наследникам или должникам (15, с. 150). Собранный им гербарий перенесли в портовые склады Петропавловска-на-Камчатке. В 1816 г. А. Шамиссо, естествоиспытатель, участник экспедиции О. Е. Коцебу на корабле «Рюрик» 1823 г., обменял их на охотничье ружье. Не зная маршрута И. И. Редовского, А. Шамиссо посчитал местом сбора гербария Камчатку. В 1841 г. Ботанический музей Академии наук приобрел коллекцию А. Шамиссо, куда вошел и гербарий И. И. Редовского (16).

Всего за 8 месяцев экспедиции ученый проделал путь в 5,5 тыс. верст на лошадях, лодках, оленях и собачьих упряжках. Кроме ботанических сборов, И. И. Редовский занимался этнографическими изысканиями и составил несколько словарей малых народов. И. Кожевин вел «Путевой математический журнал», в который вносил наблюдения за погодой и описания населенных пунктов. Сам И. И. Редовский составил дневник путешествия на немецком языке (17).

Впоследствии в честь И. И. Редовского было названо растение Редовския двоякоперистая (*Redowskia sopluifolia*), камнеломка Редовского (*Saxifraga redowskyi* Adam) и рододендрон Редовского (*Rhodendron redowskianum*).

Изучение документа, тем более такого, как «открытый лист», позволяет выявить новую информацию об организации и проведении экспедиции. Каждый «открытый лист» составлялся для каждой отдельной экспедиции и призван был учитывать только присущие ей особенности. В то же время рассмотрение сопроводительных экспедиционных документов позволяет исследовать включенность Императорской Академии наук в систему государственных учреждений Российской империи в первой половине XIX в.

1. Ферман А. Е. Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи. Л. : Изд-во АН СССР, 1929. 38 с.

2. СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1–1828. Д. 94. Л. 152.

3. Козырева М. Г. О путешествии академика Ф. И. Шуберта с посольством Ю. А. Головкина в Китай в 1805 г. (из воспоминаний Ф. Ф. Шуберта) / Петербургская Академия наук в истории Академий мира. СПб., 1999. Т. 3. С. 197–208.

4. Ширина Д. А. Летопись экспедиций Академии наук на северо-востоке Азии в дореволюционный период. Новосибирск : Наука, 1983. 137 с.

5. Летопись Российской Академии наук. В 3-х т. Т. II. 1803–1860. СПб. : Наука, 2002. 620 с.
6. *Ширина Д. А.* Отечественная наука и изучение Якутии в XVII–XIX вв. // Исторические связи народов Якутии с русским народом. Якутск, 1987. С. 40–76.
7. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 52–58: Об отношении президента Академии наук о снаряжении экспедиции для описания Курильских островов. 1806. Л. 181.
8. Летопись Российской Академии наук...
9. О посольстве графа Ю. А. Головина в Китай. СПб., 1807. 103 с.
10. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVII и XIX вв. / сост. В. Ф. Гнучева. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 312 с.
11. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 52–58. 1806. Л. 182.
12. Там же.
13. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 2об., 17об., 52об.
14. *Черников А. М., Пидотти О. А.* Путешествие ботаника И. И. Редовского в 1806–1807 гг. в Якутию и Охотскому морю // Ботанический журнал. Л. 1979. Т. 59. № 3. С. 451–457.
15. *Спаский Г. И.* Воспоминания о ботанике И. И. Редовском // Отечественные записки. СПб., 1852. С. 144–152. [Общая сумма составляла 1 718 руб. серебром, 18 410 руб. ассигнациями и 1 500 руб. в билетах Московского Опекунского Совета].
16. *Шамиссо А.* Путешествие вокруг света. М. : Наука, 1989. 279 с.
17. СПбФ АРАН. Ф. 37 (И. И. Редовский).

Н. Хэнкок
ТОРГОВЛЯ ТРАДИЦИОННА?
ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И БУДУЩЕГО В НОВОЙ КАМЧАТКЕ
(Перевод Л. А. Абрамян)

Эрих Кастен – доктор философии, который с 1993 г. координировал и реализовывал на Камчатке исследования по различным проблемам, таким как бикультурное образование, исчезающие языки, исполнительские виды искусства и политическая экономика. Осенью 2014 г. Эрих Кастен подарил библиотеке 4 свои книги: «Бикультурное образование на Севере» (1998 г.), «Люди и земля» (2002 г.), «Собственная культура – культура как собственность» (2004 г.), «Возрождение своеобразия» (2005 г.).

В этих книгах собраны статьи современных российских и зарубежных антропологов, описывающие направление реформ на севере России в постсоветский период.

Данный доклад представляет перевод статьи, написанной Нельсоном Хэнкоком – американским антропологом, из книги «Люди и земля». С 1995 г. он занимался полевым исследованием на Камчатке, которое касалось политических диспутов по поводу природопользования и местного понимания истории и этнической принадлежности. В настоящее время он работает над русскоязычным сборником документов и архивных материалов, касающихся этнической истории камчадалов. Ниже следует выборочный перевод указанной статьи.

Экономическая теория современного капиталистического общества – это сложная система экономических категорий, которые неразрывно связаны, определяют друг друга и функционально независимы: цена, капитал, заработная плата, проценты, арендная плата. Если один кирпичик выпадает из этой системы, рушится все здание.
 (Чаянов, 1966, 3)

В данной статье исследуются современные проблемы камчадалов – смешанной этнической группы, проживающей в восточной части России на полуострове Камчатка. Несмотря на то, что их официально признали как аборигенную группу в 1991 г., этот статус все еще является неопределенным, поскольку камчадалы отстаивают свои права на колониальное наследство. <...> Эта аборигенная особенность, отмеченная русскими этнографами, очевидно, ввела камчадалов в конфликт с чувством времени, так часто связанный не только с коренными народами, но также с национальной культурой в целом.

Здесь я обращаюсь к определенным проблемам между реальными традициями такого смешанного народа и законодательными актами, призванными легализовать и восстановить «традиционную» экономику и культуру камчадалов. Основной парадокс, который я наблюдал: в то время как торговля и коммерция спорно являются «традиционными» элементами большинства местных коренных экономик, в современном законодательстве на севере России не прилагается практически никаких усилий для того, чтобы облегчить торговлю или сделать ее возможной. Вместо этого, представленные экономики в большинстве существующих законодательных актов учитывают маленькие автономные натуральные хозяйства, которые не производят никакого излишнего товара, такого как шкуры или икра. Таким образом, с действующим законодательством, которое практически игнорирует существующие у коренных народов формы землепользования, и теоретизирование «традиций» и следование им сопровождаются противоречиями. Главный вопрос заключается в том, что основные категории, используемые государственными органами для организации и управления экономикой коренных жителей, не соответствуют представлениям местных камчадалов об истории и традициям. Существующее законодательство по существу создало ряд возможностей, которые используются не теми, кто имеет связь с землей и живет на ней, а теми, кто обладает этим правом. Таким образом, вместо того, чтобы поощрить тех, у кого есть знание о земле и умения жить на ней и по ее законам, существующее законодательство поощряет самые современные бюрократические каналы, и, в частности, как должным образом «использовать ресурсы», доступные благодаря этим каналам.

В России, как и везде в мире, политика и история коренных народов, в конечном счете, вертятся вокруг вопросов экономики. Как правило, в центре таких обсуждений стоит заявление прав на землю, привилегированное право на пользование ресурсами или некоторые другие формы перераспределения природных ресурсов. Законодательство, регулирующее вопросы по земельным претензиям коренных жителей, тесно связанное со стимулированием и продвижением традиционной экономики, и специальное законодательство, разработанное для поощрения традиционной экономической деятельности, можно найти по всему миру. И таких примеров множество: на Аляске, в Австралии, Бразилии и др.; во всем мире политика коренных народов находится в центре экономических дискуссий.

В некоторой степени это обычное явление, потому что несмотря на то, что экономика коренных жителей различным образом связана с более широкими экономическими системами, она, по определению, поддерживается определенными землями и территориями. Кроме того, сама категория «традиционный» предполагает экономические традиции, которые, несомненно, отличаются от традиций некоренных народов. Эти поддержка и отличия существуют несмотря на постоянные высказывания о гиперподвижности, транснационализме и глобализации, которыми характеризуется современность. История камчадалов в центральной части Камчатки служит доказательством того факта, что транснациональные передвижения людей и капитала являются отнюдь не чем-то новым. Напротив, на эти факты необходимо смотреть как на составные части жизни коренных народов Камчатки и по всей северной части России, даже «традиционные» аспекты. Все еще существует тенденция, которая обычно находит отражение в законодательстве, – для того, чтобы получить утвержденные блага, коренным народам необходимо каким-то образом показать, что эта подвижность и постоянные трансформации, к которым они приведут, не будут конфликтовать с «традициями». <...> Выделение «традиционных» элементов в экономике, системе убеждений и семейном развитии относится к этим исследованиям отчасти, поскольку это именно те характеристики коренных народов, которые могут толковаться как «традиционный», что в основном имеет значение для правового контекста. Однако, если выйти за рамки правового контекста, эта ситуация гораздо более сложная, и четкие представления относительно важности «традиционных» экономических практик труднодостижимы. Я начал свое исследование в центральной части Камчатки с предположения, что официальное признание и государственные льготы зачастую зависят от вопросов о традиционной экономике, что камчадалы как группа будут стремиться сделать особый упор на экономику и землепользование в описании своего своеобразия и истории. Вместо этого я обнаружил, что жизнеописание камчадалов в основном акцентируется на аспектах, которые практически не упоминаются в политических дебатах. Беседы об истории жизни чаще всего фокусируются на вопросах об отсутствии непрерывности, а кроме того, практически отсутствует политический подтекст, который, как я считал, существует везде. Именно поэтому я написал эту статью, чтобы начать дискуссию о важности политических земельных реформ в политике коренных народов, а затем изучить особенности современной экономики камчадалов – правовую или любую другую. <...>